

№ 426

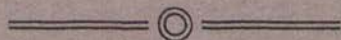
II 12/5

А. Гладкій.

✓ 50
262

ВЗГЛЯДЪ ХУДОЖНИКОВЪ НА ЖИЗНЬ.

(По поводу самоубійствъ среди учащихся).

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1913.

2078
C

✓ 50
262

№ 726

А. Гладкій.

№ $\frac{50}{262}$ —

ВЗГЛЯДЪ ХУДОЖНИКОВЪ НА ЖИЗНЬ.

(По поводу самоубійствъ среди учащихся).

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1913.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“ (1913 г., № 6).

92-44843-27

2011122022

Взглядъ художниковъ на жизнь и самоубійство.

I.

Эпидемія самоубійствъ съ ея ненасытными жертвами пустила такіе глубокіе корни въ русскую жизнь, свила себѣ такое прочное гнѣздо на почвѣ русской дѣйствительности, что русское общество, семья, школа не могли не обратить серьезнаго вниманія на это ужасное и печальное явленіе и не принять возможныхъ мѣръ для борьбы со страшнымъ призракомъ. Этотъ больной вопросъ сталъ волновать, мучить не только родителей и педагоговъ, какъ лицъ, близко стоящихъ къ жертвамъ недуга ¹⁾, но изученіемъ печальнаго явленія самоубійства занялись и представители науки: моралисты, психіатры, соціологи, юристы. Всѣ они освѣщаютъ этотъ вопросъ съ разныхъ, присущихъ ихъ специальности точекъ зрѣнія, доискиваются мотивовъ и симптомовъ бѣдъзни, ставятъ діагнозы и, видимо, принимаются за лѣченіе больного этимъ неду-

¹⁾ Наибольшій процентъ самоубійць падаетъ на учащуюся среду. По статистическимъ даннымъ, приводимымъ докторомъ Гордономъ въ его докладъ о „школьныхъ самоубійствахъ“, читанномъ имъ на I Всероссийскомъ Сѣздѣ по семейному воспитанію, бывшемъ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго года, оказывается, что въ Россіи на 1 миллионъ учащихся приходится 337 самоубійць, тогда какъ въ Германіи на такое же количество насчитывается всего только 97, а въ другихъ государствахъ Европы процентъ школьныхъ самоубійць еще меньше.

гомъ человѣчества. Обходили молчаніемъ и не высказывались категорически и опредѣленно по поводу большого вопроса, повидимому, только наши художники слова, которые являются знатоками жизни и психики русской души. Правда, они въ своихъ твореніяхъ косвенно, устами своихъ героевъ, высказывали свой взглядъ на самоубійство и иногда, быть-можетъ и невольно культивировали почву для самоубійствъ тѣмъ, что рисовали въ своихъ произведеніяхъ русскую дѣйствительность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, надѣляя своихъ героевъ пессимистическимъ міросозерцаніемъ, доходящимъ иногда до отчаянія, не окрыляя ихъ никакими свѣтлыми надеждами на лучшія перспективы въ будущемъ и ставя ихъ зачастую въ безвыходное положеніе, доводя ихъ до тупика, изъ котораго, повидимому, единственный и возможный, а потому и лучшій выходъ—покончить счеты съ жизнью, наложить на себя руки, но, повторяемъ, принципиальнаго своего взгляда, какъ глубокаго убѣжденія, по поводу самоубійства наши художники до недавняго времени не высказывали. Русское общество, всегда привыкшее смотрѣть на художниковъ, какъ на глашатаевъ правды и добра, какъ на «пророковъ», съ нетерпѣніемъ ждало отвѣта на мучившій его сознаніе вопросъ у служителей Аполлона. И наши художники дали, быть-можетъ, вынужденный, но опредѣленный отвѣтъ. Въ журналъ «Новое слово» за прошлый годъ помѣщена анкета (подъ заглавіемъ «Самоубійство»), гдѣ наши лучшіе современные художники, писатели, поэты высказывали свои откровенныя признанія, свою принципиальную точку зрѣнія на самоубійство. Надо сознаться, грустью, порой ужасомъ вѣетъ отъ этихъ признаній писателей, которые должны были бы указывать намъ пути къ счастью, разгадывать тайны бытія, разрѣшать намъ мучительные вопросы жизни и нравственности, когда они, въ большей своей массѣ, готовы оправдать существованіе этого печальнаго и страшнаго кошмара на фонѣ русской жизни, мало того,

готовы, повидимому, даже выступить какъ будто даже съ проповѣдью самоубійства, признавая послѣднее явленіемъ нравственнаго порядка, основывающемся на священномъ и неотъемлемомъ правѣ человѣка распоряжаться своею жизнью, каковое право,—по увѣренію такого крупнаго писателя, какъ Л. Андреевъ,—единственная вѣрная гарантія свободы, твердая опора для человѣческаго достоинства, и отнимать, по его мнѣнію, у человѣка право на вольную смерть, закономъ заставляя его жить,—«это значить жизнь обезцѣнивать и великой радости смыслъ», когда художники наши готовы признать раціональными и мотивы самоубійства, утверждая, что скука жизни, доходящая до отчаянія, отсутствіе какого-либо счастья на землѣ, къ которому съ такой неутолимой жаждой стремится человѣчество, эфемерность или призрачность идеаловъ, которыми, какъ лишнимъ багажомъ, запасается человѣчество, могутъ и должны привести къ сознанію, что «не бытіе—лучше бытія» и покончить свое существованіе. «Я чувствую и вижу, что счастья нѣтъ; понимаю, что его и быть не можетъ,—увѣряетъ другой талантливый писатель Арцыбашевъ, знаю, что конецъ всѣхъ одинъ—смерть мучительная и безобразная и, вовсе не желая зла, не ненавидя человѣчество, а напротивъ, преисполняясь къ нему искренней жалостью, думаю, что разъ это такъ, разъ все кончится такъ скверно, то чѣмъ скорѣй—тѣмъ лучше».

„Вся жизнь, весь міръ—игра безъ цѣли

Не надо жить...“

совѣтуетъ поэтъ Ѳ. Сологубъ, и подъ такимъ лаконическимъ призывомъ, кажется, готовы подписаться многіе современные художники. Они даже завидуютъ тѣмъ «смѣльчакамъ», «у которыхъ по какому бы то ни было поводу хватить рѣшимости перейти послѣднюю черту возможно скорѣе (Арцыбашевъ). Общество, поэтому, по взгляду многихъ художниковъ, высказавшихся въ анкетѣ, не въ правѣ протестовать, возмущаться и запрещать

этого таинственного и религіознаго акта, самоопредѣленія по личному индивидуалному почину, хотя нѣкоторые изъ художниковъ дѣлають поправку, что родные и близкіе должны удерживать нравственно и матеріально отъ этихъ, быть-можетъ, не всегда сознательныхъ жертвъ. Личность самоубійцъ не вызываетъ, повидимому, у нашихъ художниковъ чувства состраданія, жалости, сочувствія, напротивъ того, они склонны какъ будто признать вполне естественнымъ, нормальнымъ, что гибнуть эти нездоровыя въ психическомъ и физическомъ отношеніяхъ личности, эти «нищіе духомъ», у которыхъ наблюдается отсутствіе творчества души, слабое развитіе инстинкта жизни, чувства собственнаго достоинства, у которыхъ не хватаетъ мужества, чтобы перенести то время, когда судьба повернулась къ нимъ спиной, и дожидаться увидеть ея лицо (А. Купринъ).

Только что изложенныя откровенныя страшныя признанія нашихъ художниковъ—не что иное, какъ послѣдовательный логическій выводъ изъ философскаго міросозерцанія каждаго изъ нихъ. Пытливое сознаніе художниковъ въ разрѣшеніи проблемъ о смыслѣ и цѣли жизни человека на землѣ, о счастьи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ работало много предшествовавшихъ поколѣній и одинъ изъ художниковъ О. М. Достоевскій, настолько рѣзко и непримиримо поставившій эти жгучіе вопросы, что рѣшеніе ихъ навсегда будетъ связано съ его именемъ, пришло къ жестокому выводу, что «жизнь—безсмыслица», а потому она—страшна, страшнѣе самой смерти; отсюда гимны смерти, какъ лучшему исходу, какъ средству избавиться отъ проклятой жизни. Если попытаться, на основаніи художественнаго творчества современныхъ художниковъ, писателей и поэтовъ, вкратцѣ изложить міровоззрѣніе послѣднихъ и нарисовать духовный обликъ каждаго изъ нихъ, то намъ они представляются личностями, у которыхъ замѣтно полное отсутствіе какихъ-либо вѣрованій въ идеалы, въ абсолютное добро, правду, вѣры въ счастье.

какъ личное, такъ и общечеловѣческое въ настоящемъ и грядущемъ ¹⁾; отсюда пессимизмъ, соединяемый со все-сокрушающимъ нигилизмомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ грубый реализмъ, какъ единственно возможный и естественный философскій выводъ. Въ жертву этому нигилизму принесено все небесное и земное, даже сама «жизнь», какъ безсмысленная и жестокая игра какихъ-то стихійныхъ началъ и силъ, и потому не могущая быть оправданной никакой здоровой логикой. «Зачѣмъ жить, если все есть только великая пустота? Зачѣмъ жизнь, если она есть только безсмысленный процессъ постройки зданія для его разрушенія, рожденія человѣка для его смерти»? Съ отрицаніемъ жизни, художниками естественно воспрѣвается начало, противоположное жизни — «смерть», «не бытіе», какъ начало, въ которомъ находить свое завершеніе эта «безлѣпица» — жизнь, такъ какъ «зло», царящее на землѣ, это порожденіе жизни, подъ дыханіемъ смерти исчезаетъ, какъ дымъ. Такъ, лейтмотивомъ творчества Л. Андреева является смерть. Мыслью о смерти пронизанъ у него весь міръ, все бытіе, *sub specie mortis* смотритъ онъ на все окружающее. Зло — ирраціонально; а если такъ, то и жизнь — безсмысленна; отсюда надежда на избавительницу смерть, которая побѣдитъ всю безсмысленность жизни, все міровое зло. Всѣ творенія этого художника — послѣдовательная исторія разочарованій человѣческой души, стремящейся привести въ соотвѣтствіе себя и міръ. Л. Андреевъ указываетъ на то, что въ окружающемъ мірѣ не находить себѣ осуществленіе естественное стремленіе человѣка къ личному счастью, несостоятельной оказывается человѣческая мысль, бесплоднымъ — социальное усиліе, что въ явленіяхъ жизни не находить оправданія человѣческая вѣра, да и сама жизнь — безсмысленна и не имѣетъ «оправданія»: вотъ основная тема и «Краснаго смѣха», и «Жизни Василия Оивейскаго» и «Жизни человѣка» и многихъ дру-

¹⁾ Въ чемъ, напр., сознается въ анкетѣ писатель М. Арцыбашевъ.

гихъ произведеній писателя. Вслѣдъ за Л. Андреевымъ и другіе современные писатели и поэты проникнуты такимъ же пессимистическимъ міросозерцаніемъ. Ни въ разнообразіи красотъ природы, ни въ сознательной жизни человѣчества наши художники не находятъ ничего интереснаго, увлекательнаго, ради чего бы стоило жить; окружающая реальность не радуетъ взора и сердца художниковъ, такъ какъ она бѣдна содержательностью, полна безсмысленностью и непонятностью:

„Твоихъ нѣмыхъ угрозъ, суровая природа,
Никакъ я не пойму,
Отъ чахлой жизни жду блаженного отхода
Къ покою твоему.
И каждый день меня къ могилѣ приближаетъ,
Я каждой ночи радъ—
Но душу робкую безсмысленно пугаетъ
Твой неподвижный взглядъ“ (Ө. Сологубъ).

Лучшей избавительницей отъ этой «чахлой» жизни, горя, человѣческаго несчастья является «смерть», которая, поэтому, воспѣвается художниками, призывается явиться въ міръ, уврачевать «зло», которое «подъ дыханіемъ смерти вмѣстѣ съ жизнью людей исчезаетъ, какъ дымъ».

О, владычица смерть, я ропталъ на тебя,
Что ты, злая, царишь, все земное губя,—
И пришла ты ко мнѣ, и въ сіяніи дня
На людскіе пути повела ты меня.
Увидаль я людей въ озареніи твоємъ,
Омраченныхъ тоской, и безсильемъ, и зломъ,
И я понялъ, что зло подъ дыханьемъ твоимъ
Вмѣстѣ съ жизнью людей исчезаетъ, какъ дымъ.

Этотъ эффектный художественный гимнъ смерти, вылившійся изъ подъ пера современнаго поэта Ө. Сологуба, можетъ достаточно уяснить намъ мотивы творчества художниковъ нашего времени, ихъ міросозерцаніе, взгляды на жизнь и ея смыслъ, такъ какъ указанные художники—Л. Андреевъ и Ө. Сологубъ—самые яркіе и законченные выразители художественнаго міросозерцанія и направленія

въ современной литературѣ: около нихъ группируются другіе современные поэты и беллетристы. Если отмѣтить самую острую и характерную особенность художественной и философской литературы текущаго момента, то нельзя не указать на сильное ослабленіе гимновъ жизни и счастью, красотѣ и идеаламъ, съ одной стороны, и на все смѣлѣе и громче раздающіяся пѣсни во славу одиночества, тьмы, хаоса и смерти. Какъ будто долго вѣрившее жизни и идеаламъ человѣчество устало и извѣрилось, утратило мощь и энергію, а гимны одиночеству и тьмѣ рождаютъ надежду, пробуждаютъ энергію и выносливость для продолженія пути и новой борьбы.

Эта философія пессимизма, граничащая нерѣдко съ нигилизмомъ, проповѣдуемая современными художниками въ ихъ твореніяхъ, въ связи съ установившимся у нихъ нездоровымъ эстетическимъ вкусомъ, нашла себѣ благопріятную и благодарную почву среди русскаго общества: разрушительная волна пессимизма современной литературы, съ признаніемъ низшихъ инстинктовъ, какъ самодовлѣющихъ началъ, очень заразительно подѣйствовала на массу, особенно на подрастающее молодое поколѣніе, которое, со свойственнымъ ему увлеченіемъ, стало воспринимать эту пищу и питаться отъ нездороваго источника; читающая публика съ большимъ интересомъ набросилась на все «новое», «незнакомое», которое открывали наши художники, стала усвоять мрачные отрицательные взгляды на жизнь и счастье, терять постепенно жизнерадостность, а вдобавокъ ко всему прививать еще себѣ дурные инстинкты. И чѣмъ таинственнѣе звучало слово новыхъ «пророковъ», тѣмъ съ большимъ напряженіемъ искали въ немъ указанія новыхъ путей. Особенное увлеченіе русскаго общества и въ частности молодежи современной литературой можно констатировать въ послѣдніе годы, когда бурный историческій моментъ, пережитый Россіей, всколыхнувшій весь укладъ русской жизни, заставилъ произвести переоцѣнку тѣхъ духовныхъ «цѣнно-

стей», которыми жило до тѣхъ поръ юношество. Подвергнувши свои духовныя цѣнности критическому анализу, молодежь естественно обратилась за поисками истины къ русской интеллигенціи въ лицѣ ея представителей, писателей, философовъ, публицистовъ. Къ сожалѣнію, она жестоко ошиблась въ своихъ расчетахъ найти духовныя «цѣнности» у русскаго общества, такъ какъ послѣднее само въ то время переживало моментъ духовнаго банкротства. Въ результатѣ поисковъ духовной пищи у юношества, вмѣстѣ со скепсисомъ, явилась какая-то общая духовная апатія, религіозный и моральный индифферентизмъ, неудовлетворенность, даже недовольство жизнью, сопровождающееся иногда бурными эксцессами. Эта неудовлетворенность явилась, конечно, вслѣдствіе сознанія, что съ потерей взлелѣянныхъ идеаловъ юношество отъ нашего лучшаго русскаго общества ничего взамѣнъ болѣе лучшаго, цѣннаго не получило. Естественнымъ слѣдствіемъ потери вѣры и идеализма явился пессимизмъ, какъ неизбѣжный логическій выводъ, а, съ другой стороны, и какъ наслѣдіе, полученное отъ нашихъ признанныхъ учителей человѣчества. Характерную особенность переживаемаго времени составляетъ отсутствіе идеаловъ и искреннихъ вѣрованій. Люди какъ будто разочаровались во всемъ томъ, во что раньше вѣрили, что двигало, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ, на подвиги и жертвы. Скептицизмъ, соединяемый нерѣдко съ насмѣшливой ироніей, стали распространять на такія идеи, которыя раньше почитались святыми и сомнѣніе въ которыхъ было недопустимо. И какъ будто этимъ недугомъ теперь страдаетъ особенно юношество. Если лицо—зеркало души, то этотъ скрытый въ глубинѣ души молодыхъ людей пессимизмъ проглядываетъ и бываетъ замѣтенъ на ихъ лицахъ: какой-то отпечатокъ грусти, тяжелой внутренней драмы лежитъ въ ихъ взорѣ; не видно веселья и общаго жизнерадостнаго настроенія, а напротивъ того наблюдается угрюмость, придавленность и духовная апатія. Усвоеніе же юноше-

ствомъ философскаго міросозерцанія нашихъ художниковъ съ ихъ пессимистическимъ выводомъ, что «небытіе» — лучше бытія и смерть — наилучшій выходъ изъ возможнаго сквернаго положенія, естественно, можетъ приводить многихъ неопытныхъ и легковѣрныхъ юношей къ страшной мысли о самоубійствѣ, и въ трудную минуту жизни, въ минуты грусти, тоски, разочарованности они готовы «наложить на себя руки», кончить счеты съ жизнью. Если присоединить къ этому какъ бы одобреніе, санкцію этого явленія со стороны художниковъ, высказанную ими въ формѣ откровеннаго признанія въ упомянутой нами анкетѣ, то можно безъ преувеличенія отнести, какъ на причину, значительный процентъ случаевъ самоубійствъ, особенно среди молодежи, на долю нашей современной литературы. Нѣкоторые изъ юношей увлеклись той стороной современной литературы, гдѣ проявился нездоровый эстетическій вкусъ нашихъ художниковъ, гдѣ все рассчитано на возбужденіе низшихъ инстинктовъ и страстей, результатомъ чего явились разнаго рода общества, лиги, культы, а на кладбищѣ роютъ новыя могилы для этого рода жертвъ... Мы далеки, конечно, отъ мысли сгущать краски и въ возникновеніи и существованіи печальнаго явленія самоубійства на фонѣ русской дѣйствительности винить всецѣло нашихъ художниковъ, современную литературу; несомнѣнно, много причинъ и факторовъ этого грустнаго явленія скрывается въ индивидуальныхъ, соціальныхъ, матеріальныхъ условіяхъ жизни русскаго человѣка, но уже, кажется, всѣми признано, что наша современная литература сыграла въ этомъ случаѣ, къ сожалѣнію, большую печальную роль ¹⁾. Говорятъ, что

¹⁾ Эту громадную роль, это вредное вліяніе современной литературы подчеркиваетъ современный писатель Е. Чириковъ — здоровый оптимистъ, любящій жизнь, природу, людей, которому чужда и непонятна идея самоубійства и психологія самоубійцы. „Кто меня возмущаетъ, — пишетъ этотъ талантливый художникъ, — это не юноши-самоубійцы, съ которыми я такъ сильно расхожусь по настроенію,

литература не имѣетъ вліянія на общество, что она не создаетъ нравы, а, наоборотъ, нравы создаютъ литературу; но разсуждая такимъ образомъ, мы умаляемъ значеніе одного изъ могущественныхъ орудій добра и зла. Въдѣ каждая сенсаціонная книга можетъ производить громадное вліяніе на умы и нравственность читателей; для иллюстраціи достаточно указать хотя бы на «Санина»; подѣ впечатлѣніемъ «Санина» возникали лиги свободной любви, общества огарковъ и пр. «Изъ всѣхъ золъ, — говоритъ проф. Габріель Виль, характеризуя вліяніе литературы, — съ которыми добру приходится бороться, безнравственная литература — зло самое большое и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣе всего поддающееся искорененію. Нѣтъ той общественной группы, того призванія, того жизненнаго пути, которыхъ бы въ той или иной формѣ не коснулся этотъ порокъ, выбрасываемый печатнымъ станкомъ. Къ сожалѣнію, но это слишкомъ очевидно, что скверная книга можетъ разрушить и сдѣлать безплоднымъ терпѣливый и старательный трудъ многихъ здравомыслящихъ людей. Удержать бурный грязный потокъ, отвести его при помощи непосредственнаго усилія — это такъ же невозможно, какъ покорить бушующее море или воспрепятствовать вѣчному движенію глетчеровъ». Говоря вообще о современной русской литературѣ, нужно сказать, что горе и зло отъ нея заключается, конечно, не въ томъ, что она изображаетъ будто бы только отрицательные типы, интересы ея возвращаются въ области пошлости, уродства жизни, а бѣда въ томъ, что сами художники, видимо, увлекаются этой отрицательной стороной жизни и заражаютъ своимъ настроеніемъ читателя, особенно молодежь, какъ элементъ самый благодарный въ этомъ отношеніи. Безъ этого условія, т.-е. безъ этой симпатіи современныхъ писателей

но наши братья-писатели, проповѣдники пессимизма и смерти. Большой грѣхъ, большую ответственность берутъ на себя передъ родиной. Въ нашъ нервный вѣкъ нужно ободрять и поддерживать падающихъ, а не толкать ихъ въ бездну...

и поэтовъ къ пошлой и отрицательной сторонѣ жизни, такое вредное и разрушительное дѣйствіе и вліяніе современной литературы было бы невозможно. Огромное вѣдь нравственное вліяніе на людей имѣютъ искусства и въ частности литература не только при изображеніи добраго, прекраснаго, нравственнаго, но и при воспроизведеніи безобразнаго, уродливаго, безнравственнаго въ прекрасной формѣ, такъ какъ и въ такомъ случаѣ, хотя отрицательнымъ путемъ, они все же внушаютъ человѣку стремленіе къ противоположному тому, что представляетъ дѣйствительность. Подъ перомъ или кистью благороднаго художника темныя стороны жизни и типы самыхъ пошлыхъ и порочныхъ лицъ получаютъ такую окраску, что, пробуждая въ людяхъ сознаніе, невольно вселяютъ въ ихъ душу стремленіе ко всему прекрасному, высокому и нравственному. Если художникъ съ чистой душой воспроизведетъ въ своей душѣ нечистую идею, она предстанетъ предъ нимъ во всемъ своемъ безобразіи, ненормальности. Такою же она отразится и въ соотвѣтствующей объективной формѣ, такую же будетъ воспринята и нравственно-чистымъ созерцателемъ. И не только не заразятся и не пострадаютъ отъ нея художникъ и созерцатель, но, напротивъ, еще болѣе укрѣпятся и возлюбятъ добро и совершенство. Благотворное воздѣйствіе на созерцателя или читателя достигается, значитъ, художникомъ въ томъ случаѣ, если послѣдній относится къ явленіямъ жизни не только строго, но и гуманно, если, рисуя печальную и пошлую обстановку дѣйствительности и указывая на различныя жертвы ея, самъ лично соболѣзнуетъ о ней и своимъ сочувствіемъ вызываетъ на ряду съ чувствомъ отвращенія, другія добрыя качества и участіе. «Хотя искусство, по словамъ одного профессора-моралиста, можетъ избирать для изображенія и безнравственные предметы и явленія человѣческой жизни, можетъ изображать даже демона, но безнравственное оно (истинное искусство) изображаетъ какъ безнравственное, т.-е. съ такимъ

оттѣнкомъ, что изображеніе не плѣняетъ и соблазняетъ, а обнаруживаетъ предъ нами свое ничтожество, свою пошлость, показываетъ намъ себя, какъ нѣчто достойное отверженія» (М. Олесницкій). Какъ добрый учитель заботится о наилучшемъ личномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ, такъ и поэтъ, писатель и вообще художникъ невольно выражаетъ въ своихъ твореніяхъ лучшія стороны своего существа, свои лучшія идеи и стремленія, благодаря чему художественныя произведенія оказываютъ гуманизирующее вліяніе на общество.

Такимъ гуманизирующимъ вліяніемъ, къ глубокому прискорбію, не можетъ, какъ видѣли, похвалиться наша современная художественная литература, которая, напротивъ, культивируетъ у читателя отрицательные взгляды, идеи, мрачную настроенность, прививаетъ дурные инстинкты, скверныя привычки, санкціонируя даже самоубійство. Единственный способъ, посредствомъ котораго можно бороться съ вреднымъ вліяніемъ современной литературы— это развитіе въ обществѣ, въ частности среди учащейся молодежи, здороваго вкуса. На всѣхъ, поэтому, лицахъ, близко стоящихъ къ воспитанію дѣтей и юношества, лежитъ высокая нравственная обязанность—развивать у молодежи здоровый эстетическій вкусъ, вносить миръ въ ихъ мятущіяся души, культивировать бодрую и жизнерадостную настроенность, идеализмъ, который такъ пріятно встрѣчать среди юношества... Какъ развивать у юношества здоровый эстетическій вкусъ, культивировать жизнерадостность, воспитывать въ нихъ идеальную настроенность, сильный отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ предложенъ въ слѣдующей главѣ.

II.

На ряду съ ужасной проповѣдью о безцѣльности жизни, бытія, съ проповѣдью самоуничтоженія и смерти, въ упомянутой анкетѣ, къ нашему счастью, слышимъ горячій призывъ къ бытію, гимны жизни, такъ что среди боль-

шинства современныхъ художниковъ-учителей смерти встрѣчаются, хотя и рѣдко, и добрые учителя, сами глубоко вѣрящіе и призывающіе другихъ къ свѣтлой и радостной жизни. Правда ихъ—меньшинство, можно считать даже единицами, но какъ отрадно и тепло становится на душѣ послѣ грустнаго настроенія, какого-то кошмара отъ проповѣди смерти, когда познакомишься со взглядами этого меньшинства художниковъ—этихъ добрыхъ геніевъ и истинныхъ служителей правды, добра и красоты. Свѣтлые и бодрящіе взгляды ихъ, какъ спасительные маяки среди бушующихъ волнъ житейскаго моря, какъ благодатные, дающіе роздыхъ красивые оазисы среди мрачной безводной пустыни. При глубокой вѣрѣ этихъ художниковъ въ идеалы, жизнь, въ торжество правды и добра, отношеніе ихъ къ явленію самоубійства, конечно, вполне отрицательное. Эти художники, безпощадно осуждая страшное зло нашей жизни, справедливо признаютъ, что человѣкъ не въ правѣ лишать себя жизни, что самоубійство—самое отвратительное, самое ужасное и позорное дѣло потерявшаго образъ и смыслъ Божій человѣка. Самоубійцы—люди, у которыхъ нѣтъ Бога, въ ихъ душѣ скучнѣйшая ничтожность и безпринципность; это—дикіе, развращенные, безхарактерные импотенты мысли и дѣла (И. Рѣпинъ). Вина въ совершаемомъ особенно молодежью этого тяжкаго преступленія, по признанію этой категоріи современныхъ художниковъ, падаетъ на общество, въ частности на представителей религіи—духовенство, законоучителей, несумѣвшихъ удержать величайшаго интереса жизни на его должной высотѣ религіозности—идеала, могущества Бога, Бога силы, свѣта, красоты жизни. Борьба съ этимъ зломъ—самоубійствомъ—священная обязанность всѣхъ и самымъ лучшимъ и спасительнымъ средствомъ, которымъ человѣкъ побѣждаетъ искушеніе самоубійства является, по мнѣнію художниковъ, религія, понимаемая въ широкомъ смыслѣ этого слова, не въ смыслѣ какой-либо опредѣленной системы

вѣрованій, какъ обрѣтенныхъ отвѣтовъ на запросы сознанія на тѣ или иные догматы вѣры, но независимую отъ всякихъ догматовъ религіозную форму самоопредѣленія личности въ отношеніи къ началу вселенскому. «Только форму волевого отношенія разумѣю я,—пишетъ художникъ-критикъ В. Ивановъ,—а не содержаніе, которымъ сознаніе его наполняетъ. Критерій религіозно-оформленной воли есть ясное и непреложное чувствованіе своей соподчиненности и связи со всей міровой жизнью, любовное пріятіе этой связи, завѣтное чувство души, что не себѣ принадлежу я, не свой хозяинъ; благородное подчиненіе внѣшняго человѣка во мнѣ внутреннему я, непостижимому и для моего сознанія, какъ божественному гостю и владыкѣ во мнѣ, требующему отъ меня прежде всего, чтобы я былъ и его вмѣщалъ». Такой вѣрой, глубокой вѣрой исполнены современные художники-проповѣдники «жизни», которые по духу своего творчества приближаются къ нашимъ художникамъ-классикамъ. Присущая этимъ художникамъ вѣра облагораживаетъ, одухотворяетъ ихъ творенія, придаетъ имъ тотъ волнующій мистицизмъ, который способенъ захватить, поработить съ перваго взгляда; она рождаетъ религіозную любовь къ своему дѣлу, религіозный трепетъ при исканіи новыхъ путей и является ручательствомъ того, что произведеніе будетъ носить на себѣ печать совершенства, законченности формы и выраженія. Эта вѣра, религія художниковъ, не должна быть непременно замкнута въ узкіе догматы; здѣсь дѣло идетъ не о догмахъ и вѣроученіяхъ положительныхъ религій, а о внутреннемъ психологическомъ строѣ религіознаго чувства и сознанія. Это—вѣра, исключаяющая всякое сомнѣніе въ абсолютное Добро, правду, красоту, вѣра въ идеалы, человѣка, соединяемая съ увѣренностью въ себѣ, въ свою духовную мощь и силы. Будучи носителями такой вѣры, художники-классики глубоко вѣрятъ въ свое творчество и сознаютъ себя орудіемъ Высшаго Добра, Божественнаго творчества, истинными

служителями, стражами правды и прекраснаго. Самое вдохновеніе, безъ котораго немислимъ актъ творчества художниковъ, представляется имъ какъ бы наитіемъ, откровеніемъ свыше, и въ эти моменты вдохновенія, въ моменты интуитивнаго творческаго процесса художники вѣрятъ, что душа ихъ соприкасается съ Божествомъ, что здѣсь происходитъ соприкосновеніе лучшей части чело-вѣческаго существа, являющейся отраженіемъ божественныхъ совершенствъ, съ однимъ изъ моментовъ такого же объективнаго мірового совершенства. Мысль о соприкосновеніи души художниковъ въ моменты творчества съ высшимъ трансцендентнымъ міромъ, не чуждая художникамъ, всегда предносилась также сознанію чело-вѣчества и нашла себѣ выраженіе въ названіи творческаго вдохновенія божественнымъ, а представителей художественнаго творчества—служителями боговъ; теперь обычно усваивается имъ прекрасный эпитетъ «пророковъ». Уже въ античномъ мірѣ признавали художественное вдохновеніе за божественный даръ и производили его отъ Аполлона, а поэта-художника называли любимцемъ грацій, музъ. Художники вообще охотно говорятъ о Богѣ, ихъ вдохновляющемъ, о мученіяхъ, которыя заслужили имъ это благоволеніе, о своихъ восторгахъ, когда, охваченные болѣе сильной личностью, слившись съ самимъ Богомъ, который диктуетъ имъ свои мысли, они не отличаютъ себя отъ той красоты, которою творятъ. Поэтъ Шиллеръ такъ говоритъ о моментахъ творчества:

„Мой взоръ Твой свѣтлый ликъ въ восторгѣ созерцалъ,
Мой слухъ гармоніи міровъ Твоихъ внималъ“.

Лучшіе изъ писателей, не обинуясь, называли себя пророками; вспомнимъ пушкинскаго или лермонтовскаго «Пророка»—оба они написаны, какъ «credo» поэзіи. Если мы обратимся къ свидѣтельствамъ современныхъ художниковъ-классиковъ, то найдемъ подтвержденіе высказаннаго взгляда на «богодуховенность». Пишущему эти

строки посчастливилось присутствовать на II Всероссийскомъ съѣздѣ художниковъ, бывшемъ въ Петербургѣ въ декабрѣ 1911 года, гдѣ, между прочимъ, упомянутыми талантливымъ художникъ И. Рѣпинъ, съ искренней вѣрой влюбленный въ свое искусство, въ своемъ докладѣ на съѣздѣ о значеніи и цѣли искусства высказалъ, правда, не новый, но глубоко убѣжденный взглядъ, что Божественное творчество, начавшее свое великое дѣло съ момента сотворенія міра, не прекратилось, а продолжаетъ свою созидательную работу. Орудіемъ этого Божественнаго творчества на землѣ послѣ сотворенія міра, какъ акта личной Божественной воли, являются великіе люди, геніи и таланты, которые своимъ творчествомъ, при содѣйствіи Божественной помощи, усовершенствуютъ красоту мірозданія, содѣйствуютъ счастью человѣчества и ведутъ его къ свѣтлому царству правды, добра и красоты. Конечно, какъ творенія человѣка, какъ концепціи геніально настроенныхъ умовъ, эти откровенія Бога на землѣ чрезъ художниковъ все-таки болѣе или менѣе носятъ на себѣ свойства и особенность всего человѣческаго. Какъ бы ни были они славны и знамениты въ отдѣльныхъ случаяхъ, они все-таки не могутъ не страдать общею ограниченностью всего человѣческаго, въ той или другой степени несовершенствомъ, въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ быть недостаточными или даже ошибочными. Тѣмъ не менѣе они суть тѣ же откровенія Бога, именно настолько, насколько чрезъ нихъ осуществляются проявленные въ твореніи и искупленіи преднамѣренныя цѣли Бога, или воля Божія ¹⁾).

Почитая себя орудіемъ Божественной воли и носителями Божественнаго вдохновенія, художники-классики очень возвышенно и серьезно смотрѣли на свое служеніе, полагая, что они выполняютъ великую нравственную и отвѣтственную миссію предъ человѣчествомъ, что ихъ

¹⁾ Подробно о богодухновенности художниковъ см. наше изслѣдованіе: „Эстетическая культура и ея моральное вліяніе на личность и общество“. Кіевъ 1909.

священная обязанность—«провозглашать чистое учение любви и правды», «глаголомъ жечь сердца людей», пробуждая въ нихъ «добрыя чувства» и милость къ павшимъ, очищать дѣйствительность или жизнь отъ того, что ее прячетъ въ банальный механизмъ обычныхъ представлений и скрываетъ отъ мало наблюдательныхъ глазъ, вести человечество къ свѣту, правдѣ, чтобы «въ концѣ концовъ человѣкъ повергся въ упоеніи въ объятія истины святой» (Шиллеръ), давать отвѣты на волнующіе человечество вопросы, окрылять свѣтлой надеждой и вести послѣднее къ совершенству ¹⁾. А чтобы возвѣщать «тайну Божію» людямъ, чтобы «Божественнымъ глаголомъ жечь сердца людей», необходимо самому быть глубоко убѣжденнымъ въ истинности того, что хочешь нести человечеству съ тѣмъ, чтобы «вести послѣднее къ Богу». И художники-классики, исполненные сами глубокой вѣры въ Вѣчное добро, правду, своими твореніями старались поселить такую же вѣру во все святое, доброе и прекрасное и въ человечествѣ, поддерживали духъ скептиковъ и пессимистовъ, врачевали насъ отъ нравственныхъ страданій, разрѣшали намъ «проклятые» вопросы, открывали просвѣты на свѣтлое, хотя, быть-можетъ, и далекое, будущее, а вовсе не культивировали въ насъ пессимизмъ, отчаяніе, нигилизмъ, какъ современные художники. Всѣ художники-

¹⁾ Пушкинъ влагаетъ въ уста человечества такія слова, обращенныя къ поэту относительно его нравственной миссіи:

„Если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй;
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки;
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя“.

классики свято выполняли и въ своей личности воплощали тотъ идеаль истиннаго художника, который представленъ поэтомъ Жуковскимъ:

„Не счастья, не славы здѣсь
Ищу я,—быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту,—зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей,—великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задержнуть, чтобы порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!“

Поэтому, всѣ творенія художниковъ-классиковъ, одухотворенныя искреңней и глубокой вѣрой ихъ, исполнены величія и на нихъ лежитъ печать совершенства; отъ ихъ твореній вѣетъ бодростью, свѣжестью, идеализмомъ, уносящимъ насъ хотя на моменты въ царство мира, добра, красоты, счастья. И это не былъ обманъ, лицемѣріе со стороны художниковъ-классиковъ, они вовсе не учили насъ тому, во что сами не вѣровали, напротивъ, присущая имъ вѣра предохраняла и спасала и ихъ самихъ отъ гнета и пагубнаго пессимизма, нигилизма, и вселяла увѣренность, глубокое убѣжденіе, что «жизнь», какъ твореніе Великаго художника,—благо, прекрасна по своей сущности, полна живого интереса, поэзіи и счастья и міръ вполнѣ можетъ быть оправданъ, какъ имѣющій великое назначеніе—привести человѣчество къ нравственному совершенству, единенію и братству, путемъ воспитанія людей на началахъ добра и справедливости; что существуютъ въ дѣйствительности, какъ обязательныя, этическія нормы: правда, добро, которыя торжествуютъ надъ мрачными стихіями зла и побѣждаютъ его ¹⁾. Суще-

¹⁾ Идеей торжества, побѣды духа надъ отрицательными явленіями жизни, побѣды добра надъ зломъ проникнуты всѣ творенія художниковъ-

ствующій міръ, по сознанію художниковъ-классиковъ,—наилучшій изъ міровъ, гдѣ все подчинено власти человека, являющагося земнымъ царемъ этого міра.

При такомъ взглядѣ на жизнь и ея явленія художниковъ-классиковъ, имъ, конечно, чужда и противна была идея о самоубійствѣ, которую такъ культивируютъ современные художники-пессимисты; напротивъ, они рисовали намъ въ своихъ произведеніяхъ «жизнь» прекрасной и заманчивой, увѣряя, что, если она становится тягостной и невыносимой подчасъ для человека, то виной тому самъ человекъ, такъ какъ каждый—кузнецъ своего счастья, при этомъ они открывали своимъ художественнымъ чутьемъ просвѣты, рисовали идеальную дѣйствительность, въ которой человекъ могъ бы найти себѣ желанное счастье. Спѣшимъ оговориться, что художники-классики нисколько не закрывали глазъ на мрачныя, темныя стороны реальной дѣйствительности, они не удаляются на уединенныя высоты, не сторонятся жизни, а изображали ее, иногда даже сгущая краски, напр. *Θ. М. Достоевскій*, но жизнь ху-

классиковъ. Для иллюстраціи не можемъ, однако, не указать, какъ на рельефное и характерное подтвержденіе взгляда художниковъ-классиковъ по этому вопросу на одно изъ лучшихъ твореній современнаго художника *И. Рѣпина*—картину св. *Николая*. Здѣсь въ срединѣ, на первомъ планѣ, стоитъ на колѣняхъ приговоренный къ смертной казни. Его помертвѣвшее лицо опущено, руки въ цѣпяхъ,—онъ почти умеръ, въ ожиданіи рокового удара. Налѣво отъ зрителя воины держатъ молодого человека, также обреченнаго на казнь. Направо весь уголъ занимаетъ громаднаго роста палачъ, который хочетъ занести мечъ, чтобы отрубить голову осужденному. Но, вотъ подходитъ св. *Николай*,—маленькій, тщедушный, съдой старичокъ, съ добрыми глазами, въ которыхъ какъ будто остановились слезы. Онъ положилъ свою слабенькую и худенькую руку на протянутый гигантомъ-палачомъ мечъ. Палачу ничего не стоитъ положить на мѣстѣ святителя. Но для всѣхъ ясно, что казни не будетъ, что духъ побѣдилъ физическую силу, что гуманное и доброе чувство, поднявшее св. *Николая*, всколыхнуло и подняло такое же чувство въ народной массѣ. Эта масса толпится на второмъ и третьемъ планѣ картины; въ ней, съ появленіемъ ея духовнаго вождя, явились радость и надежда, и такимъ образомъ зло должно отступать, признать себя побѣжденнымъ.

дожники-классики разсматриваютъ всегда сквозь призму тѣхъ идеаловъ, въ которые они вѣрили и къ которымъ стремилась ихъ душа. А исканіе въ жизни идеала составляетъ основную задачу каждаго художника-классика. Эта художественная преломляемость жизни облекалась, повторяемъ, въ разнообразныя формы. И хотя русская дѣйствительность иногда была не изъ веселыхъ, мрачна, сѣра, полна отрицательными явленіями, ненормальными эксцессами, но художники-классики, работая зачастую и въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ современные художники, при неприглядной обстановкѣ, напр., крѣпостное право, сумѣли, однако, сохранить здоровый оптимизмъ, спокойствіе духа, идеализировали русскую дѣйствительность, находили среди мрачныхъ тѣней свѣтлые уголки, перспективы и, врачую этимъ больную душу русскаго человѣка, давая ему нравственное освѣженіе своей книгой, вмѣстѣ съ тѣмъ подготавливали благопріятную почву для измѣненія и улучшенія жизни русскаго человѣка, совершая, иногда, цѣлые перевороты въ этической сферѣ. Достаточно для иллюстраціи вспомнить нашего геніальнаго художника Тургенева и его «Записки охотника», сыгравшихъ громадную роль въ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Исполненная гражданскихъ мотивовъ, міровой скорби, поэзія нашихъ художниковъ-классиковъ дышитъ любовью, всепрощеніемъ, свѣтлымъ идеализмомъ и красивой мечтой о будущемъ счастьѣ, радости и земномъ раѣ. Будучи сами проникнуты міровой скорбью, они, однако, почитали своимъ нравственнымъ долгомъ предъ человѣчествомъ «сквозь слезы смѣяться», поднимая, такимъ образомъ, «падшій духъ человѣка на высоту и внося гармонію въ его дѣла и чувства», а вовсе не поселять въ немъ отчаяніе, безысходную тоску и грусть. Художники-классики своими твореніями уносятъ читателя, и безъ того утомленнаго жизнью, отъ тяжелой жизненной обстановки въ свѣтлое море мысли и чувства, вызывая у него вмѣстѣ съ тѣмъ примиряющее, спокойное жизнерадостное настроеніе.

Если бросимъ ретроспективный взглядъ на прошлое русской классической литературы, то не можемъ не замѣтить, что въ ней отсутствуетъ тотъ мрачный фонъ, колоритъ, который составляетъ принадлежность литературы нынѣшняго дня; въ ней персонажи совершенно непохожи и не имѣютъ ничего общаго съ персонажами современной литературы—этими больными, искалѣченными жизнью, нервными людьми, для которыхъ жизнь явилась мачехой, неумолимымъ беспощаднымъ рокомъ, безъ надежды на счастье, приводящимъ ихъ часто къ самоубійству, смерти, какъ единственному наилучшему выходу изъ проклятой жизни; въ классической литературѣ преобладаніе свѣтлыхъ фоновъ и перспективъ, здоровыхъ типовъ и натуръ съ оптимистическимъ, идеальнымъ міросозерцаніемъ, съ вѣрой въ «жизнь», въ счастье и любовь, правду и красоту. Сами художники-классики глубоко вѣрили въ «жизнь», какъ прекрасную здоровую стихію, любили ее, признавали, что она можетъ быть вполне оправдана, какъ имѣющая высокій смыслъ и назначеніе. «Жизнь» дарована намъ для «жизни», и потому она должна быть широка, глубока, интенсивна; и чѣмъ она шире, глубже и интенсивнѣе—тѣмъ она осмысленнѣе. Цѣль жизни — полнота бытія, полнота жизни, жизнь всѣми фибрами души и тѣла, и эта полнота бытія является лучшимъ оправданіемъ «жизни» человѣка. Начнемъ съ родоначальника русской классической литературы — Пушкина. Свѣтлой и жизнерадостной поэзіи Пушкина совершенно чужды были грустные мотивы, жалобы на «жизнь», желаніе уйти, освободиться отъ нея, какъ не имѣющей смысла и оправданія, а вездѣ чувствуется призывъ къ «жизни», гимны ей. Правда, въ одномъ стихотвореніи поэтъ высказываетъ, что онъ тяготится «жизнью», — этимъ случайнымъ и напраснымъ даромъ, жалуется на жизнь, не видя предъ собой высокой цѣли, ради которой стоило бы жить, вслѣдствіе чего онъ тоскуетъ и предается меланхолическому, мрачному

настроению. Но эта, высказанная поэтомъ жалоба на жизнь, будто бы обманувшую его, эта разочарованность въ жизни — случайное настроеніе, мимолетное недовольство собой и жизнью, маленькій диссонансъ среди бодрыхъ, веселыхъ аккордовъ его поэзіи, какъ въ этомъ и сознается самъ поэтъ митр. Филарету, который, какъ извѣстно, полемизировалъ съ поэтомъ, что «въ часы забавъ или празднои скуки, бывало, лиръ онъ своей вѣрялъ изнѣженные звуки безумства, лѣни и страстей» и потому поэтъ, какъ бы раскаиваясь въ неосновательности своихъ взглядовъ на «жизнь», почтительно просилъ прощенія у святителя за свой грѣхъ. Въ одной изъ своихъ элегій «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье» поэтъ вполне опредѣленно высказываетъ мысли о цѣнности и смыслѣ жизни, и несмотря на то, что поэтъ увѣренъ, что «грядущаго волнуемое море» сулитъ ему не радости и счастье, а трудъ и горе, онъ рѣшительно заявляетъ:

„Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!
И думаю: на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной“

Гоголь — этотъ подвижникъ слова съ его художественнымъ юморомъ, съ его смѣхомъ сквозь слезы, никогда не жаловался на жизнь, не почиталъ смерть наилучшимъ изъ возможныхъ благъ, а любилъ и вѣрилъ въ «жизнь», которая создана для жизни, для наслажденія. Для подтвержденія достаточно сослаться хотя бы на извѣстный его монологъ «жизнь», гдѣ писатель высказываетъ свою точку зрѣнія, свой взглядъ на жизнь. «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Все неси ему. Гляди, какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ, какъ дышитъ все согласіемъ. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра!.. Жизнь создана для жизни, для наслажденія — умѣй быть достойнымъ наслажденія!.. ¹⁾

¹⁾ Если поэту Лермонтову жизнь казалась иногда не имѣющей цѣнности и смысла, и мучительное сознаніе безцѣльности и бесплодности жиз-

Спокойному, нѣсколько сентиментальному писателю-оптимисту Тургеневу была чужда идея смерти, уничтоженія, напротивъ, онъ вѣрилъ въ «жизнь» и находилъ въ ней начало, которое—сильнѣе смерти и страха смерти; оно царствуетъ въ мірѣ и имъ движется все — это любовь, понимаемая въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова (Записки охотника). «Играйте, веселитесь, растите, молодые силы,—призываетъ тотъ же писатель устами Лаврецаго, жизнь у васъ впереди, и вамъ надобно дѣло дѣлать, работать; тотъ можетъ быть доволенъ, счастливъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты и дѣятельности» (Дворянское гнѣздо). Любовью къ «жизни» проникнута поэзія А. Толстого, и она чувствуется хотя бы въ его извѣстномъ стихотвореніи: «Благословляю васъ, лѣса, долины, горы, воды», гдѣ поэтъ

ни нашло себѣ выраженіе въ стихотвореніи: „И скучно, и грустно“, заканчивающееся грустнымъ признаніемъ:

„И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ
вокругъ,—

Такая пустая и глупая шутка“,

то такая рѣзкая и беспощадная критика жизни, такой жестокой приговоръ объясняется исключительно особенностью поэта. Эта особенность состояла въ томъ, что въ немъ соединялось глубокое пониманіе жизни съ неудержимымъ тяготѣніемъ къ сверхчувственному міру. Нѣтъ другого поэта, который бы такъ явно считалъ небо своей родиной и землю—своимъ изгнаніемъ. Это былъ человѣкъ гордый и въ то же время огорченный своимъ божественнымъ происхожденіемъ, съ глубокимъ сознаніемъ которому приходилось странствовать по землѣ, гдѣ все казалось ему такъ доступнымъ для его ума и такъ гадкимъ для его сердца. Его великая и пылкая душа была какъ бы занесена сюда для „печали и слезъ“ всегда здѣсь „томила“ и

„Звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли“.

И это сожительство въ поэтѣ безсмертнаго и смертнаго чловѣка составляло всю горечь его существованія, обусловило весь драматизмъ, всю привлекательность, глубину и ѣдкость его поэзіи. (Подр. см. С. А. Андреевскій. Лермонтовъ. Характеристика. Лит. Чтенія С.-пб., 1891, изд. 2, стр. 217—250. Ср. П. Перцовъ. Философскія теченія въ русской поэзіи. С.-пб., 1896, стр. 131—149).

въ избыткѣ счастья, любви готовъ заключить въ свои объятія друзей, враговъ и всю природу. Не такъ давно умершій титанъ-писатель Л. Н. Толстой, признававшій, что благо или счастье человѣчества заключается въ самой «жизни», а «жизнь» — въ работѣ, далека былъ, конечно, отъ того чтобы воспѣвать гимны смерти, оправдывать самоуничтоженіе или культивировать въ читателѣ разочарованность, пессимизмъ и апатію къ жизни. Въ «Войнѣ и мирѣ» — этой колоссальной эпопеѣ, писатель устами кн. Андрея высказываетъ свои мысли о жизни и смерти и находитъ смыслъ жизни въ любви, альтруизмѣ: «Любовь мѣшаетъ смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все связано одною любовью. Любовь есть Богъ, и умереть — значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему источнику ¹⁾. Въ томъ же романѣ Пьеръ, долго и мучительно искавшій цѣли жизни, наконецъ находитъ ее въ вѣрѣ въ живого, всегда ощущаемаго Бога. Теперь на вопросъ «зачѣмъ жить» — въ душѣ его всегда готовъ былъ отвѣтъ — затѣмъ, что есть Богъ, безъ воли котораго не спадетъ волосъ съ головы человѣка ²⁾. Поэтъ-философъ В. Соловьевъ съ его многогранной, кристально-чистой думой, съ его свѣтлой грезой о безсмертіи, съ его пламенной вѣрой въ конечную побѣду надъ смертью, расцѣнивая жизнь съ философской точки зрѣнія, говоритъ: «Въ мирѣ есть одно, для чего стоитъ жить и для чего надо жить. Это — идея высшей правды, это таинственныя, но неодолимая порыванія человѣческаго духа къ родному ему, вѣчному началу. Удовлетворимъ же, приглашаетъ философъ человѣчество, тайную жажду безсмертнаго духа: передъ нами, какъ путеводный маякъ, свѣтозарная цѣль — обожествленіе человѣчества чрезъ приближеніе ко Христу». Даже писатели-классики съ пессимистическимъ міросозерцаніемъ, лично много испытавшіе и пережив-

1) Л. Толстой. Война и миръ, т. VII, стр. 52.

2) Ibid, 168.

шіе въ жизни ударовъ судьбы, непріятностей, напри-
мѣръ, Достоевскій, Надсонъ, и тѣ исполнены глубокой
вѣры и любви въ «жизнь», счастье человѣка и не воз-
сылають они проклятій жизни, какъ неоправдавшей ихъ
надѣждъ и желаній, какъ какой-то бессмыслицѣ и глу-
пой шуткѣ. Эту вѣру въ «жизнь» Достоевскій вы-
сказываетъ устами Ивана Карамазова: «Не вѣруй я
въ жизнь,—говоритъ Карамазовъ Алешѣ,—разувѣрся...
въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все, напротивъ,
безпорядочный, проклятый и, можетъ-быть, бѣсовскій
хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разо-
чарованія,—а я все-таки захочу жить... Центроостреми-
тельной силы еще страшно много на нашей планетѣ,
Алеша. Жить хочется, и я живу, хотя бы и вопреки
логикѣ. Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги
мнѣ клейкіе, распускающіеся весной листочки, дорого
голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго иной разъ,
повѣришь ли, не знаешь, за что и любишь, дорогъ иной
подвигъ человѣческій... Клейкіе весенніе листочки, голу-
бое небо люблю я, вотъ что»... И Алеша соглашается съ
Иваномъ, что «всѣ должны прежде всего на свѣтѣ «жизнь»
полюбить».

Нѣтъ другого поэта, у котораго бы такъ грустно сло-
жилась жизнь, какъ у Надсона. Ни веселья, ни слад-
кихъ мечтаній онъ въ судьбѣ не видалъ своей; его жизнь
была цѣлѣю страданій и тяжелыхъ, томительныхъ дней,
оттого вся его поэзія исполнена грустныхъ мотивовъ,
окутана меланхолически-грустной пеленой, но поэзіи его
совершенно чужды отчаяніе, тоска, проклятіе жизни;
напротивъ, грустные мотивы поэзіи Надсона смѣня-
ются часто бодрымъ призывомъ къ вѣрѣ въ жизнь, въ
высшіе идеалы, въ побѣду свѣта и добра. Въ своемъ
стихотвореніи «Идеаль» поэтъ высказываетъ серьезный
взглядъ на цѣнность и значеніе жизни, которая состоитъ
въ разумномъ стремленіи къ свѣту истины, добра, къ
высшему идеалу:

„Не говори, что жизнь—игрушка
Въ рукахъ безсмысленной судьбы,
Безпечной глупости пирушка
И ядъ сомнѣній и борьбы.

Нѣтъ, жизнь разумное стремленіе
Туда, гдѣ вѣчный свѣтъ горитъ,
Гдѣ человѣкъ, вѣнецъ творенья,
Надъ міромъ высоко царитъ“.

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ, съ грустью и даже негодованіемъ отмѣчая тотъ фактъ, что «наше поколѣніе юности не знаетъ», призываетъ молодежь къ красочной, бьющей ключомъ красивой жизни, которая на радость намъ дана, такъ какъ юность дарована намъ на то, чтобы «мы могли свободно крылья распахнуть, — и ненавидѣть и любить».

Писатель «скуки и пошлости» А. П. Чеховъ, рисовавшій въ своихъ произведеніяхъ мрачную русскую дѣйствительность, полную неустройствъ, диссонансовъ, окрылялъ себя и человѣчество вѣрой въ добро, правду, счастье, которыя въ будущемъ воцарятся на землѣ, и писатель умеръ съ красивой мечтой, что «черезъ двѣсти—триста лѣтъ русская жизнь обновится, водворится въ человѣчествѣ миръ, и наступитъ на землѣ счастье, земля обратится въ цвѣтущій садъ и жизнь будетъ невообразимо прекрасной». «Мы несчастны, но человѣчество будетъ счастливо; мы страдаемъ и гибнемъ — но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ» (Три сестры). Но трудно, кажется, отыскать въ русской литературѣ писателя, который настолько былъ бы проникнутъ свѣтлымъ, жизнерадостнымъ идеализмомъ, энтузіазмомъ, вѣрой въ «жизнь», въ прогрессъ, достоинство человѣка, въ обновляющую роль культуры, соединенной (вѣрой) съ страстною любовью къ родному русскому народу, какъ Бѣлинскій. Этотъ писатель съ пламенной юношеской душой, исполненный неутоимой жажды и любви къ истинѣ и красотѣ, съ увлеченіемъ

стремящійся къ царству свѣта и добра, огненнымъ «глаголомъ» своимъ призывалъ всѣхъ къ радостной жизни, манилъ человѣчество ко всему прекрасному, доброму... И замѣчательно, такимъ увлекающимся, пламеннымъ юношей, постоянно стремящимся своимъ духомъ къ свѣтлому небу правды и красоты, Бѣлинскій остался до конца своей жизни (а онъ умеръ 38 лѣтъ), почитая счастливцемъ того, кто сумѣлъ сберечь и сохрानить въ себѣ все юное, свѣтлое, живое до уравнившей старости, оставаясь вѣчно съ молодой увлекающейся душой. «Какъ радостно, въ порывѣ восторга восклицаетъ писатель, встрѣтить въ старцѣ теплое чувство, не подавленное бременемъ годовъ и желѣзными заботами жизни, любовь и снисхожденіе къ юности, къ ея вѣтренымъ забавамъ, ея шумной радости, ея мечтамъ, и къ грустнымъ и свѣтлымъ, и пламеннымъ и гордымъ. Какъ отрадно увидѣть на его устахъ кроткую улыбку удовольствія, чистую слезу умиленія отъ пѣсни, отъ стихотворенія, отъ повѣсти. О, станьте на колѣни передъ такимъ старикомъ, почтите за честь и счастье его ласковый привѣтъ, его дружеское пожатіе руки: въ немъ есть человѣчность. Онъ въ миллионъ разъ лучше сомнѣвающихся и разочарованныхъ юношей, которые увяли не расцвѣвши, — этихъ почтенныхъ лысинъ и сѣдинъ, которыя рутинною хотятъ замѣнить умъ и дарованія, холоднымъ резонерствомъ теплое чувство, внѣшнимъ и заимствованнымъ блескомъ отличій внутреннюю пустоту и ничтожность, а важнымъ и строгимъ разсужденіемъ о нравственности — сухость и мертвенность своихъ деревянныхъ сердець». Сочиненія Бѣлинскаго — въ своемъ родѣ катихизисъ гуманности и идеализма, книга жизни, проникнутая пламеннымъ, пророчески-убѣжденнымъ, вѣщимъ глаголомъ. Уже въ первой своей знаменитой статьѣ «Литературныя мечтанія» писатель-критикъ обращается съ призывомъ къ юношеству, панегиристомъ котораго онъ всегда былъ, чтобы оно стремилось

къ дѣятельной жизни, къ свѣту и истинѣ, внушая вмѣстѣ съ тѣмъ ему увѣренность въ прекрасномъ назначеніи человѣка въ великомъ будущемъ вселенной. «Нѣтъ, — говорилъ писатель, — не напрасно лучезарное солнце такъ величественно обтекаетъ голубое далекое небо и проливаетъ на насъ свѣтъ, и теплоту, и жизнь, и радости; не напрасно мерцають для насъ звѣзды таинственнымъ блескомъ и томятъ душу нашу тоской, какъ воспоминаніе о милой родинѣ, съ которой мы давно разлучены и къ которой рвется душа наша; не напрасно человѣкъ стремится къ какому-то блаженству и ищетъ его всю жизнь, ищетъ его и въ шумныхъ наслажденіяхъ юности, и въ ужасахъ кровавыхъ битвъ, и въ обольщеніи славой, и въ сладости труда, и въ свѣтѣ знанія, и въ наслажденіи искусствами, и въ любви другого сердца, и... нерѣдко въ тиши монастырской келіи, въ борьбѣ со своими желаніями... Нѣтъ, еще разъ! Вѣчность — не мечта. Не мечта и «жизнь», которая служитъ къ ней ступеню. Много въ ней дурного, но еще больше прекраснаго; есть въ ней паденіе, но есть и возстаніе, но есть и достиженіе; есть минуты горькія, убійственныя, минуты сомнѣнія и отчаянія, минуты разрушительной дисгармоніи съ самимъ собой, отвращенія отъ жизни, но есть и упоительныя минуты вѣры, когда въ груди бываетъ такъ тепло, на душѣ такъ свѣтло, жизнь становится такъ прекрасна, такъ прочна, такъ тожественна съ блаженствомъ... Тогда вы испытываете величайшее наслажденіе, и вамъ кажется, что вы уже созерцаете тайну вѣчности, что вы уже видите новую землю, новое небо» ¹⁾. Какъ много поэзіи, вѣры, сколько воодушевляющей силы въ этой страстной рѣчи писателя! Это —воззрѣніе юноши, полного страстной жажды жизни, полного вѣры во все прекрасное, доброе и свѣтлое!..

¹⁾ В. Бѣлинскій. Соч. т. I, стр. 186 — 188. Подробнѣе о Бѣлинскомъ см. нашу брошюру „Эстетическія воззрѣнія В. Г. Бѣлинскаго“. Къ столѣтію со дня рожденія писателя. Харьковъ. 1911 г.

Ограничиваясь сказаннымъ о міросозерцаніи художниковъ-классиковъ, объ ихъ взглядѣ, воззрѣніяхъ на жизнь и ея явленія, на счастье и назначеніе человѣка, мы констатируемъ полный контрастъ міровоззрѣній художниковъ-классиковъ и современныхъ художниковъ, художниковъ нынѣшняго дня.

Такой же контрастъ воззрѣній художниковъ-классиковъ и современныхъ художниковъ замѣчается въ эстетическихъ взглядахъ на природу. Если у современныхъ художниковъ «нѣмая», «бездушная» природа не возбуждаетъ ни «новыхъ чувствъ», ни «новыхъ силъ» и «душу ихъ робкую безсмысленно пугаетъ ея неподвижный взглядъ»; если, при созерцаніи красотъ природы, настроеніе современнаго художника аналогично бываетъ тому настроенію, которое поэтъ Лермонтовъ изображаетъ въ «Демонѣ» ¹⁾, то художники-классики съ благоговѣніемъ взирали и наслаждались природой—этимъ прекраснымъ созданіемъ Великаго Художника, вѣря, что она—«не слѣпокъ, не бездушный ликъ, но у нея есть свобода, языкъ и любовь» и что она открываетъ художникамъ свои тайны, позволяя заглянуть имъ, какъ въ сердце друга. Лучшимъ подтвержденіемъ того, насколько художники-классики понимали природу, знали ея тайны, являются слова поэта Баратынского на смерть Гёте:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,

¹⁾ „Великъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ,
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего...
И, кромѣ зависти холодной;
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплотной,
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ,
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ и ненавидѣлъ“...

И чувствовалъ травъ прозябанье:
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна“.

При созерцаніи красотъ природы, при видѣ чудесъ ея, смѣнялась у художниковъ-классиковъ тревога ихъ души, расходились морщины на челѣ, и счастье они постигали на землѣ и въ небесахъ видѣли Бога. Такимъ образомъ за эстетическимъ созерцаніемъ природы они признавали моральное значеніе и почитали природу лучшимъ врачомъ отъ физическихъ и нравственныхъ страданій и однимъ изъ способовъ богопознанія. Поэтому художники-классики были всегда пѣвцами природы, воспѣвали ей гимны, были живописцами родного русскаго пейзажа. Они приглашали человѣчество относиться къ ней эстетически, почаще любоваться и восхищаться красотами ея. Наединѣ съ природой человѣкъ становится лучше и чище душой (А. П. Чеховъ). Шумъ и суета міра, по признанію художниковъ-классиковъ, мѣшаютъ человѣку достигнуть полной гармоніи духа, послѣдней ясности и тишины. Надо отойти отъ міра съ его страстями, соблазнами и несовершенствами, всецѣло отдаться созерцательности на лонѣ природы, въ мирномъ, любовномъ общеніи съ растеніями и животными. Такъ достигается внутренняя ясность, полная просвѣтленность, такъ подходитъ человѣкъ къ святости, постигаетъ тайну Божію, скрытую въ природѣ, разгадываетъ смыслъ всѣхъ жизненныхъ явленій. «Любите животныхъ, растенія, любите всякую вещь. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое и всякую песчинку. Будешь любить всякую вещь— и тайну Божію постигнешь въ вещахъ. И полюбишь тогда весь міръ всецѣлою всемірною любовью. Безгрѣшна природа, на ней почилъ святость Божія, надо проникаться таинственнымъ голосомъ ея, сливаться съ нею всѣмъ существомъ». Такъ говоритъ ясновидецъ русской души Достоевскій устами старца Зосимы.

III.

Огромное значеніе русской художественной классической литературы, какъ фактора воспитанія, можетъ и должна использовать школа въ дѣлѣ привитія, культивированія у молодежи здороваго оптимизма, идеализма, вѣры въ добро и счастье. Необходимо воспитывать юношество на лучшихъ образцахъ классической литературы, въ которой можно видѣть настойчивое стремленіе брать изъ жизни то, что въ ней есть лучшаго, постоянное усиліе художниковъ-классиковъ находить даже въ пошломъ и низкомъ свѣтлую черточку. Въ этомъ исканіи свѣта во тьмѣ заключается характерная особенность русской литературы. Она имѣетъ своимъ основаніемъ непобѣдимую вѣру въ существованіе добра и въ то, что натура человѣческая по существу добра. «Надо отдать справедливость нашимъ лучшимъ художникамъ-писателямъ,—даетъ отзывъ о русскомъ искусствѣ одинъ изслѣдователь поэтического творчества,—благородной, возвышенной ихъ художественно-литературной дѣятельности. Кому не извѣстно огромное культурно-моральное вліяніе, произведенное у насъ поэзіею Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевскаго, Тургенева и др.» ¹⁾. Иностранная критика давно уже отмѣтила ту важную культурную роль, какая выпала на долю художественной классической литературы въ исторіи русской жизни. Вотъ какъ высказался французскій писатель Мельхиоръ-де-Вогюэ, этотъ тонкій цѣнитель нашихъ лучшихъ писателей. «Если бы вы знали, какъ читаютъ поэтовъ тамъ, въ Россіи!—обращается онъ къ своимъ соплеменникамъ. То, что для насъ не болѣе, какъ баловство, предметъ роскоши, для нихъ составляетъ насущный трудъ». Русское общество, въ частности наша молодежь, къ счастью, не отвыкли еще отъ почтительнаго отношенія къ классической литературѣ и

¹⁾ В. Богородицкій. Психологія поэтического творчества. Казань. 1900, стр. 28.

симпатіи учащихся, несмотря на увлеченіе современной литературой, все же на сторонѣ классиковъ, т.-е. литературы добраго направленія, вслѣдствіе чего воспитательное значеніе ея еще высоко. Школѣ необходимо всячески поддерживать, развивать эту симпатію, любовь у учащихся къ классической литературѣ, противопоставляя здоровый оптимизмъ ея, свѣтлые гуманные идеалы, ея призывъ къ красочной жизни, счастью, безпросвѣтному пессимизму, проповѣди смерти и самоуничтоженія. Эту благородную миссію школа можетъ выполнить путемъ идейнаго изученія русской художественной классической поэзіи и литературы, а также чрезъ руководство внѣ-класснымъ чтеніемъ учащихся.

Въ младшихъ классахъ изучается много классическихъ стихотвореній и стиховъ въ прозѣ, повѣстей и рассказовъ съ подробнымъ анализомъ содержанія и разбора, а въ старшихъ классахъ отъ учащихся требуется по программѣ знакомство съ произведеніями изящной словесности съ поэтами и писателями русской литературы не только въ подлинникѣ, но и критикѣ. Цѣль преподаванія, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ формальная, преподавателями предъявляются требованія къ учащимся чисто внѣшняго характера: по даннымъ для руководства программамъ учащіеся должны выучить извѣстное число стихотвореній, рассказовъ, басенъ съ указаніемъ главныхъ и второстепенныхъ мыслей, т.-е. съ подробнымъ анализомъ грамматическаго и статистическаго характера даннаго отрывка, затѣмъ должны знать учебникъ словесности и литературы, должны знать по учебнику, если не хотятъ или не имѣютъ времени прочитать (sic!) въ подлинникѣ, о произведеніяхъ того или другого писателя, поэта, разбирать любое положеніе по программѣ литературное произведеніе, даже подвергать критикѣ, зачастую безъ знакомства съ самымъ произведеніемъ; въ иныхъ случаяхъ ограничиваются механическимъ усвоеніемъ того, что такіа-то произведенія написаны такимъ-то писателемъ, такіе-то

типы въ нихъ выведены, запоминають главныя мысли произведенія и пр. А вѣдь средняя школа должна стремиться къ тому, чтобы учащіеся прежде всего знали самого писателя, а потомъ уже то, что о немъ говорятъ. Къ сожалѣнію, нынѣшній ученикъ больше говоритъ о писателѣ, чѣмъ излагаетъ его.

Идейная сторона изученія поэзіи и вообще литературы игнорируется и только за рѣдкими исключеніями достигается. А вѣдь изученіе особенно такой области, какъ литературы, не можетъ быть ограничено только формальной и предметной стороною, въ смыслѣ развитія памяти и накопленія знаній, а поучительность состоитъ только въ указаніи главной мысли произведенія; такая постановка никакого моральнаго и эстетическаго вліянія на психику учащихся не окажетъ, развѣ только усовершенствуетъ память, но эту роль свободно могутъ выполнить другія науки, напр., математика, древніе и новыя языки. Мало того, такая постановка дастъ въ результатѣ апатію къ книгѣ, чтенію, а между тѣмъ, интересъ, любовь къ чтенію книгъ, произведеній писателей поэтовъ у учащихся огромный; онъ покоится на присущей этому возрасту любознательности. Идейная сторона изученія поэзіи и литературы заключается въ воспитательномъ ея характерѣ: извѣстное произведеніе должно будить мысль и добрыя чувства учащихся, должно внушать имъ стремленіе къ добру и правдѣ, вліять на развитіе гуманныхъ и эстетическихъ чувствъ учащихся. Унося мысль учащагося въ міръ красоты, идеальнаго творчества, въ сферу, чуждую повседневныхъ заботъ, поэтическія произведенія должны облагораживать и благотворно вліять на его психику. Поэтому для преподавателя нѣтъ нужды подолгу останавливаться на анализѣ, разборѣ извѣстнаго произведенія, со стороны плана, литературной формы, особенностей языка, указывать главныя и второстепенныя мысли, а нужно привить, воспитать у учащихся, путемъ непосредственнаго знакомства (чрезъ чтеніе) съ произведеніями

художественнаго творчества, любовь, симпатію къ личностямъ писателей, поэтовъ особенно родной литературы и къ тѣмъ идеямъ, идеаламъ истины, добра, правды, которые воплощены ими въ художественную форму, въ изящный и красивый образъ, въ симпатичный типъ. При изученіи извѣстнаго писателя, поэта въ классѣ преподаватель литературы долженъ отказаться отъ преслѣдованія всякихъ, какихъ бы то ни было постороннихъ цѣлей: научныхъ, лингвистическихъ, моральныхъ, а долженъ прежде всего стремиться къ тому, чтобы данныя произведенія были поняты учащимися, какъ «произведенія искусства», а для этого изученіе должно начинаться не съ исканія такъ называемой «главной идеи» произведенія, а всегда съ изученія той картины живой жизни, которую нарисовалъ авторъ, того міра духовной жизни людей, который писатель хотѣлъ изобразить. Путемъ совместнаго чтенія и бесѣдъ преподаватель долженъ стремиться къ тому, чтобы изображаемые въ художественныхъ произведеніяхъ жизнь и люди предстали предъ учащимися, какъ живые, такъ, чтобы они видѣли предъ собою человѣческія лица, слышали ихъ голоса, ощущали горячее дыханіе жизни. Довести слушателей до этого, помогать въ этомъ,—первая и главная задача преподавателя литературы. Послѣ этого, конечно, можно дѣлать всевозможныя дополненія и выводы, переводить на этическое, философское или формально-эстетическое трактованіе данной вещи. Сознательное чтеніе классиковъ-писателей поставить учащихся въ соприкосновеніе съ психологіей и нравственными вопросами личности и съ интересами общественной жизни въ художественной формѣ ихъ выраженія. Вотъ цѣль и задача преподаванія словесности въ средней школѣ; съ этимъ придутъ къ ученику знанія предмета, а съ ними выработается его міросозерцаніе и воспитается его духъ. Извѣстный знатокъ и ислѣдователь литературно-художественнаго богатства, академикъ Н. А. Котляревскій, въ одномъ популярномъ педа-

гогическомъ органѣ, констатируя фактъ ненормальной постановки преподаванія литературы въ средней школѣ, результатомъ чего является поразительное невѣжество въ этой области нашей учащейся молодежи, высказываетъ очень интересный и цѣнный по мысли взглядъ на литературу, какъ научную дисциплину, и указываетъ на громадную важность изученія этой области въ средней школѣ. «Справедливо, — говоритъ авторъ, — что школа должна давать знанія, но этого мало; она должна облегчить человѣку его знакомство съ жизнью и подготовить его достойнымъ образомъ къ жизни среди людей. То относительно большее количество знаній, которое даетъ средняя школа, несомнѣнно prepares людей къ жизни. Они изучаютъ исторію этой жизни, знакомятся съ ея внѣшнимъ обликомъ, съ законами физическими и естественно-историческими, которыми она живетъ, усваиваютъ строеніе разныхъ языковъ, знакомятся съ міросозерцаніями религіозными, нравственными и въ счастливыхъ случаяхъ съ міросозерцаніями философскими. Конечно, все это знанія полезныя и нужныя, но среди нихъ отсутствуетъ знаніе души человѣческой, то труднѣйшее знаніе, которое необходимо человѣку больше всякихъ другихъ знаній. И есть только одно средство облегчить эту трудную задачу, это — начать постепенно и систематично знакомить учениковъ съ великими силами человѣческой души, какъ онѣ даны, изображены и объяснены въ великихъ памятникахъ литературы. Программа должна имѣть въ виду ознакомленіе съ наиболѣе сильными, глубокими по смыслу и вѣчными по длительности психическими движеніями человѣка. Вся гамма чувствъ, безъ которыхъ немыслимъ человѣкъ, должна быть пройдена. Пусть самые типичные люди встанутъ передъ ними (учащимися) на страницахъ романовъ, рассказовъ, драмъ и поэмъ, люди, съ которыми жизнь ихъ не сталкивается, но которые всегда налицо, незамѣчаемые, ихъ окружаютъ. Пусть въ періодъ своей жизни, огражденной отъ житейской борьбы, подрастающій человѣкъ пробудетъ нѣкоторое

время въ обществѣ героевъ великихъ моментовъ цивилизаціи. Пусть онъ встрѣтится и съ преступными людьми и со святыми, съ людьми пустыми и людьми глубокими, съ людьми всѣхъ сословій отъ коронованныхъ особъ до слоя самаго низшаго по своему общественному положенію, отъ героевъ духа до самыхъ нищихъ духомъ. Знакомство съ такими людьми не отзовется вредно на юномъ умѣ и характерѣ, а наоборотъ, закалитъ этотъ характеръ и умъ и разовьетъ въ немъ самое цѣнное,—способность съ разныхъ точекъ зрѣнія смотрѣть на жизнь, умѣніе дополнять одну страницу жизни другой, умѣніе заглядывать людямъ въ душу, не говоря уже о томъ, что, пройдя такую предварительную школу, человѣкъ былъ бы подготовленъ къ болѣе мягкому и къ болѣе справедливому суду надъ ближнимъ. Весь этотъ запасъ особаго знанія, знанія души человѣческой, могутъ дать только одни памятники изящной словесности, въ которыхъ геній художниковъ закрѣпилъ свои наблюденія надъ душевнымъ развитіемъ человѣка за нѣсколько тысячъ лѣтъ» ¹⁾).

¹⁾ Н. Котляревскій. „Къ вопросу о реформѣ средней школы“. „Школа и жизнь“, 1913 г. № 14. Нельзя поэтому не привѣтствовать и высказаннаго почтеннымъ авторомъ взгляда, которымъ онъ рекомендуетъ выдѣлить чтеніе и изученіе художественныхъ памятниковъ литературы въ отдѣльный, самостоятельный предметъ изъ курса наукъ, преподаваемыхъ въ средней школѣ. Этотъ предметъ можно ввести съ третьяго или со второго класса, когда мальчику десять-одиннадцать лѣтъ; его надо провести чрезъ всѣ классы, удѣляя хотя бы три часа въ недѣлю. Полагаться на внѣклассное безконтрольное чтеніе нельзя; чтеніе можетъ происходить и въ классѣ и внѣ класса, но провѣрка его на каждомъ урокѣ должна быть сдѣлана обязательной. Новый предметъ долженъ быть уравненъ во всѣхъ правахъ со всѣми существующими предметами. Учитель можетъ комментировать прочитанный памятникъ, примѣняясь къ аудиторіи, можетъ заставлятъ пересказать этотъ памятникъ и вести по поводу его бесѣду съ учениками. Большую пользу можетъ принести такой пересказъ и такая бесѣда для выработки въ ученикахъ способности выражать свои мысли устно и способности думать надъ тѣмъ, что говоришь, а вѣдь всѣмъ извѣстно, до чего эта способность мало развита въ нашей школѣ и какъ ей трудно развиться, если

Необходимо, далѣе, привить учащимся взглядъ на писателей, художниковъ, что они—лучшіе друзья, учителя и воспитатели человѣчества, честно и открыто повѣдавшіе міру свои думы, свои мысли, указывая намъ пути къ счастью, разгадывая тайны бытія, что они страдали за насъ, вынашивая свои произведенія, изъ желанія не славы себѣ, а блага человѣчеству и, будучи призваны «учить» «глаголомъ жечь сердца людей» и исправлять ихъ, они умирали съ сознаниемъ исполненнаго долга предъ людьми. Воспитанію такой любви, симпатіи у учащихся къ писателямъ, поэтамъ помогутъ идейныя біографіи, монографіи, мемуары, письма художниковъ, въ которыхъ часто бываетъ затронута интимная ихъ жизнь, богатая своею содержательностью, поучительностью, научныя книги и статьи, въ которыхъ выясняется психологія творчества писателей и поэтовъ. Съ такимъ матеріаломъ преподаватели должны знакомить учащихся, чтобы зажечь у послѣднихъ огонекъ любви къ великимъ личностямъ. Вѣдь при чтеніи и наслажденіи произведеніями художниковъ неизбѣженъ такой психологическій актъ: наслаждаясь, зачитываясь, мы мысленно воспроизводимъ свѣтлый обликъ художниковъ, насъ очень интересуется ихъ жизнь и притомъ самыя интимныя стороны и мелкія подробности ея. Конечно, не въ силу празднаго любопытства

отъ ученика требуется лишь повтореніе заученнаго и усвоеннаго безъ всякой работы собственнаго сужденія. Авторъ, далѣе, не одобряетъ плана и программы по литературѣ, которая относитъ преподаваніе литературы древняго періода въ классы младшіе, а новой—въ классы старшіе, и находитъ цѣлесообразнымъ знакомить дѣтей со второго или третьяго класса сначала съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ, Толстымъ, Островскимъ и Некрасовымъ, а затѣмъ, когда они подрастутъ, заставить ихъ читать лѣтописи, народную пѣсню и древнюю литературу. Быть-можетъ къ судьбамъ литературы древняго и средняго періода ученики отнесутся тогда съ большею любовью, вниманіемъ и пониманіемъ, чѣмъ они относятся теперь, когда такъ скучаютъ за ея страницами.

мы ими интересуемся, а въ силу сознательнаго или инстинктивнаго желанія въ живомъ примѣрѣ ихъ жизни почерпнуть новое и сильнѣйшее доказательство жизненности и истинности ихъ ученія и заразиться новыми чувствами и настроеніями. Тогда-то созданные художниками литературные и поэтическіе образы, типы, эти носители высокихъ идеаловъ, въ связи съ высокимъ представленіемъ личности писателей, поэтовъ, будутъ легко усваиваться мягкимъ сердцемъ учащихся, они будутъ легко заражаться тѣми идеями истины, правды, добра, любви, счастья, которыми проникнуто истинное произведеніе художника; тогда-то «божественный глаголѣ» пророковъ дѣйствительно будетъ «жечь» сердца молодого поколѣнія, дѣлая его кроткимъ, гуманнымъ, давая ему здоровую пищу и предохраняя отъ пороковъ и заблужденій. Мало того, что «въщее слово» пророковъ будетъ живо и дѣйственно, сами «пророки», «жрецы» искусства, благодаря знакомству учащихся съ ними, какъ личностями, будутъ окружены молодежью ореоломъ величія, славы; она проникнется благоговѣйнымъ почитаніемъ «жрецовъ» искусства, будетъ подражать имъ въ своей жизни, и тогда поэты и писатели, дѣйствительно, явятся для нихъ великими учителями, глашатаями высокихъ истинъ, которымъ будетъ внимать учащаяся молодежь. Очень важно также въ воспитательномъ отношеніи усвоеніе учащимися внѣшней формы словеснаго искусства, тѣхъ образовъ, которые нарисованы перомъ художника въ любомъ произведеніи. «Обыкновенно, говоря о воспитательномъ значеніи поэзіи,—пишетъ одинъ авторъ,—имѣютъ въ виду тѣ хорошія мысли, тѣ добрыя чувства, которыми заражаетъ поэтъ образованнаго читателя, слушателя, но не обращаютъ вниманія на тѣ образы, которые встрѣчаются въ каждомъ произведеніи; не малое значеніе имѣютъ они. Пусть молодежь запасается въ юности этими образами, формулами, приглашаетъ авторъ, этимъ оружіемъ въ арсеналѣ устнаго преданія родной литературы:

трудно будетъ безъ нихъ потомъ, когда жизнь потребуе́тъ борьбы, когда сутолока дня окутае́тъ туманомъ мелочныхъ недоразу́мнѣй.» ¹⁾—Таки́ми художества́ми краси́выхъ, жизненныхъ образовъ богата́ наша классическая литература, которая, по взгляду нашего филосо́фа В. Соловье́ва, — страда́ющій Христосъ, воплоще́ніе Божьей любви, милосерді́я, жива́я Бо́жія правда въ конкретно́й, полно́й реально́й краси́восты, необъятно́й си́лы образа́хъ. Для примѣ́ра вспомни́мъ хотя́ бы стараго слугу Савельича въ «Капита́нской дочкѣ́» — Пушкі́на, Мака́ра Дѣ́вушкина въ «Бѣ́дныхъ лю́дяхъ» — Досто́евского, «Анто́на Горе́мыку» — Григо́ровича и несконча́емую верени́цу други́хъ страда́льцевъ изъ наро́да: старца Зо́симу, роди́телей Базарова, Петра Кара́таева въ «Войнѣ́ и мирѣ́» — Л. Толсто́го, развѣ́ это — не жива́я иллюстра́ція къ страни́цамъ Еванге́лія, не лучші́е образцы́ Христово́й любви, серде́чно́й чу́ткости, незлобиво́сти и всепро́щенія!

Наконецъ, идейно́му изуче́нію обла́сти поэ́зіи и литерату́ры помогутъ также́ темы, рефе́раты по иску́ству во́обще, такъ́ какъ послѣ́днее имѣ́етъ тѣ́сную связа́ съ обла́стью словесна́го иску́ства. «Нѣ́тъ ни одного́ почти́ явле́нія въ русско́й литерату́рѣ стара́го и нова́го време́ни, справедливо́ говоритъ про́ф. А. Яци́мирскій, которое́ не нашло́ бы себѣ́ отраже́нія, напр. въ живо́писи, начина́я хотя́ бы съ фресокъ Кі́ево-Софі́йскаго собо́ра и отраже́нія въ нихъ апокри́фическихъ мотивовъ и конча́я ти́пами художни́ковъ у Гого́ля, Тургене́ва, Гонча́рова и други́хъ беллетри́стов».

Други́мъ средствомъ, кромѣ́ идейна́го изуче́нія обла́сти классическо́й литерату́ры, которы́мъ школа́ можетъ и дол́жна воспользо́ваться въ цѣ́ляхъ культиви́рованія́ у молоде́жи добро́й настроенно́сти, здоро́ваго оптимизма́, соединенно́ю съ вѣ́рой въ «жизнь́», счастье́ и вмѣ́стѣ́ съ тѣ́мъ предо́-

1) Б. Харці́евъ. Психоло́гія поэ́тического́ обра́за въ примѣ́нені́и къ воспита́нію.

храненія ея отъ пессимиза, отчаянія, доходящаго до самоубійства,—это руководство внѣкласснымъ чтеніемъ. Такое руководство особенно чувствуется въ наше время, въ виду существованія, на ряду съ литературой добраго направленія, литературы низкаго пошиба, почему послѣдняя требуетъ критическаго къ ней отношенія. Теперь учащіеся часто читаютъ все, безъ разбора, специализируясь въ литературѣ отрицательнаго направленія, не имѣя возможности сами разобраться въ безыдейности, бессодержательности и пошлости этой литературы. Имена Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Островскаго и друг. нерѣдко для учащейся молодежи — звуки безъ содержанія, имена, которыя перешли въ учебникъ. Отчеты библиотекъ говорятъ о затишьѣ на полкахъ съ произведеніями классическихъ писателей, а издатели не видятъ сбыта собраній сочиненій литературныхъ корифеевъ. Причину этого печальнаго явленія проф. Бороздинъ видитъ въ пониженіи вкусовъ у читающей публики, которая возросла въ количественномъ отношеніи, но въ отношеніи культурномъ представляетъ собой въ большинствѣ случаевъ весьма нетребовательную массу, такъ что въ ней большимъ успѣхомъ пользуются произведенія совершенно безыдейныя, но отличающіяся занимательностью фэбулы, фельетоннаго и даже порнографическаго оттѣнка; съ другой стороны въ идейномъ отношеніи замѣчаются такіе факты, которые заставляютъ иныхъ изслѣдователей и критиковъ называть послѣднюю четверть XIX ст. эпохой смуты или разброда и исканія новыхъ идеаловъ ¹⁾. Мы уже имѣли случай указать на ту печальную роль, какую сыграла въ школѣ современная литература, пропитанная ядомъ пессимизма, нигилизма, съ ея проповѣдью смерти и самоубійства. Она создала личностей, апатичныхъ къ жизни, зараженныхъ ядомъ пессимизма, вялыхъ и чуждыхъ того свѣтлаго, розоваго идеализма, который такъ пріятно встрѣ-

¹⁾ Проф. Бороздинъ. Русская литература XIX вѣка.

чать въ каждомъ молодомъ человѣкѣ. Мало того, ихъ пессимизмъ граничить иногда съ безпросвѣтнымъ отчаяніемъ, такъ что нѣкоторые готовы наложить на себя руки, кончить самоубійствомъ, и болѣе сильные волей юноши прибѣгаютъ къ этому, желая избавиться отъ гнетущей ихъ душу тоски и ужаса. Нравственный долгъ, поэтому, тѣхъ, которымъ ввѣрено воспитаніе юношества, притти къ послѣднему на помощь, стараться быть опытнымъ руководителемъ, пріятнымъ помощникомъ въ выборѣ авторовъ и произведеній, замѣнивъ въ этомъ случаѣ тѣхъ изъ родителей учащихся, которые индифферентно относятся къ этому важному явленію въ жизни своихъ дѣтей. Въ минуты мучительныхъ сомнѣній ¹⁾, поисковъ духовнаго разлада, грустнаго настроенія, кромѣ, конечно, личнаго

¹⁾ О „сомнѣніи“, какъ психол. факторѣ или мотивѣ самоубійства имѣется прекрасная брошюра популярнаго проф.-психіатра И. А. Сикорскаго „Психологическая борьба съ самоубійствомъ въ юные годы“. Кіевъ. 1913 г. „Сложные вопросы жизни, бытія и повседневности, говоритъ проф.,—въ ихъ идеализаціи и идеальной постановкѣ, свойственной юному возрасту, приводятъ нерѣдко къ тяжелымъ сомнѣніямъ. Это чувство въ юномъ возрастѣ играетъ выдающуюся роль, какъ этиологическій (причинный) моментъ самоубійства. Сомнѣнія особенно тяжкія, касающіяся нравственныхъ вопросовъ и долга, составляютъ исходную точку будущей грозной катастрофы. Обыкновенный путь, по которому въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ протекаютъ эти опасныя событія, состоитъ въ томъ, что сомнѣніе останавливаетъ потокъ переживаній, а замедленіе влечетъ за собою печаль, тоску, острое чувство виновности и гнѣвъ. Въ эти тяжкія для жизни минуты ищется, по выраженію писателя Тургенева, трепетный огонекъ жизни, который ярко горитъ и свѣтится, когда нашъ грозитъ потухнуть. Мы стремимся тогда на яркій свѣтъ инстинктивно и по глубокому чутью нашей жизни. Ужъ не разумъ ведетъ по этимъ невѣдомымъ путямъ, а сама объединенная жизнь, если ей грозитъ роковая опасность. Жизнь затрепещетъ тогда, какъ пойманная птичка, и стремится на поиски самосохраненія. Поэтому всякая помощь въ эти критическія минуты можетъ привести мысли въ порядокъ, успокоить смятеніе, внести миръ въ душу человѣка, устранить стоящія по пути глыбы сомнѣній, расчистить тропинку отъ разбросанныхъ по ней эмотивныхъ камней“ (стр. 43).

вліянія, хорошая, умная, честная книга спасетъ юношу отъ пессимизма, разочарованности, апатіи и поселить въ немъ противоположныя настроенія, дастъ ему испытать нравственное освѣженіе, приободритъ его и заставитъ вѣрить въ «жизнь» и счастье. И такой книгой умной и честной книгой, разрѣшающей мучительныя загадки жизни, смыслъ бытія, открывающей ему идеальныя просвѣты не премѣнно будетъ твореніе какого нибудь художника-классика. Извѣстный педагогъ покойный В. П. Острогорскій, съ грустью констатируя, какъ печальный фактъ, отстvie у нашей молодежи жизнерадостности, здороваго оптимистическаго міровоззрѣнія, объясняетъ его индефферентнымъ отношеніемъ школы къ морально-эстетическому образованію. «Представьте себѣ, читаемъ въ его письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи, юношу, окончившаго курсъ, положимъ, въ гимназій, университетѣ или другомъ любомъ учебномъ заведеніи, слѣд., взявшаго все, что можетъ ему дать въ настоящее время у насъ формальное образованіе. Этотъ юноша добрый, очень симпатичный человѣкъ; у него, пожалуй, и много знаній общихъ и спеціальныхъ; предъ нимъ широко открыты двери къ разносторонней дѣятельности, могущей, повидимому, удовлетворить и его самого, приносящаго пользу отечеству, и, между тѣмъ, что вы видите? Этотъ юноша съ развитымъ, недюжинномъ умомъ, съ знаніями, крайне тяготеетъ жизнью, или вовсе къ ней равнодушенъ, объясняя ее себѣ теоріями крайняго пессимизма. Чего же не достаетъ этому юношѣ, обладающему и умственнымъ развитіемъ и знаніями, чтобы хотя сколько-нибудь быть счастливымъ самому, внутри себя носить духовный міръ съ самимъ собою, свои радости и утѣшенія, ободряющія духъ человѣка? Недостаётъ ему общаго добраго, здороваго внутренняго настроенія, недостаётъ любви къ міру и человѣку, живого интереса жизни». Такое бодрое здоровое настроеніе, о которомъ говоритъ почтенный педагогъ и какого такъ недостаётъ нашей интеллигентной молодежи, слагается, конечно, вслѣдствіе очень

многихъ историческихъ, экономическихъ, соціальныхъ причинъ, но безспорно, что въ числѣ другихъ факторовъ, создающихъ ровное, доброе настроеніе, здоровый оптимизмъ, не послѣднее, если не первое мѣсто, занимаетъ воспитаніе чувства и воображенія, которыя главнымъ образомъ и складываютъ характеръ человѣка, направляя, укрѣпляя или парализуя его волю и сердце. Это-то воспитаніе воображенія и чувства въ связи съ развитіемъ въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи разума, какъ высшихъ способностей ума, съ цѣлью воспитать въ человѣкѣ особое постоянное настроеніе — интересъ и вкусъ къ жизни, способность находить въ ней наслажденія въ созерцаніи изящнаго, въ искусствѣ и въ людяхъ, въ стремленіи къ самоусовершенствованію можетъ привить и сообщить своимъ питомцамъ школа, если будетъ воспитывать юношество на лучшихъ образцахъ русской художественной классической литературы. Тогда въ стѣнахъ школы будетъ воспитываться бодрая, жизнерадостная, здоровая юность, будутъ выходить изъ нея будущіе творцы жизни, въ надеждѣ славы и добра впередъ глядящіе безъ боязни, они будутъ любить жизнь, природу, будутъ стремиться къ счастью, идеаламъ правды и красоты, и школа будетъ гарантирована отъ случаевъ самоубійствъ учащихся.

MA

Цѣна 40 коп.

2011122022